
Психологические исследования

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

УДК 159.922.8:316.346.36

ИЕРАРХИЯ И СТРУКТУРА ЛЮБОВНЫХ АТТИТЮДОВ БЕЛОРУСОВ И КИТАЙЦЕВ

И. А. ФУРМАНОВ¹⁾, СИНЬЧУНЬ НЕ¹⁾, СЯОСЮАНЬ ЧЖАО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Было установлено, что доминирующее положение в иерархии любовных аттитюдов белорусских мужчин и женщин занимают *эрос*, *агапе* и *мания*, у китайских мужчин – *агапе*, *прагма* и *эрос*, у китайских женщин – *агапе*, *прагма* и *мания*. Независимо от национальной принадлежности и гендерных различий на последнем месте в иерархии любовных аттитюдов находится *людус*. В результате регрессионного анализа были выявлены и описаны пять типов любовников: эмоциональные, рациональные, преданные, тревожные и игровые.

Ключевые слова: любовные аттитюды; *эрос*; *людус*; *сторге*; *прагма*; *мания*; *агапе*.

Образец цитирования:

Фурманов ИА, Синьчунь Не, Сяосюань Чжао. Иерархия и структура любовных аттитюдов белорусов и китайцев. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021;3:73–83.

For citation:

Fourmanov IA, Xinchun Nie, Xiaoxuan Zhao. Hierarchy and structure of love attitudes of Belarusians and Chinese. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2021;3:73–83. Russian.

Авторы:

Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии.

Синьчунь Не – аспирантка кафедры социальной и организационной психологии. Научный руководитель – И. А. Фурманов.

Сяосюань Чжао – магистр психологических наук.

Authors:

Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology.

fourmigor@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>

Xinchun Nie, postgraduate student at the department of social and organisational psychology.

307059497@qq.com

Xiaoxuan Zhao, master of science (psychology).

amuzixuan@gmail.com

HIERARCHY AND STRUCTURE OF LOVE ATTITUDES OF BELARUSIANS AND CHINESE

I. A. FOURMANOV^a, XINCHUN NIE^a, XIAOXUAN ZHAO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. A. Fourmanov (fourmigor@gmail.com)

It was found that in the hierarchy of love attitudes of Belarusian men and women, the dominant position is occupied by *Eros*, *Agape* and *Mania*, in Chinese men – *Agape*, *Pragma* and *Eros*, in Chinese women – *Agape*, *Pragma* and *Mania*. Regardless of nationality and gender, *Ludus* takes the last place in the hierarchy of love attitudes. The regression analysis identified five types of lovers: emotional, rational, devoted, anxious, and playful.

Keywords: love attitudes; *Eros*; *Ludus*; *Storge*; *Pragma*; *Mania*; *Agape*.

Введение

Любовь является фундаментальной человеческой эмоцией и имеет жизненно важное значение для психологического здоровья индивида. Это многогранное чувство, которое в различных жизненных ситуациях проявляется и выражается по-разному. Оно стимулирует людей к созданию прочных отношений, таких как брак или совместное проживание. Данные действия приводят к релевантным последствиям для жизни и эволюции мужчин и женщин – таким способом они обеспечивают необходимое воспитание детей и развивают их социальный интеллект и навыки сотрудничества.

Несмотря на то что многие психологи рассматривают любовь как эмоцию (или даже как базовую эмоцию), для ее определения существует и другая точка зрения. Так, А. Арон и Э. Н. Арон [1] утверждали, что, хотя любовь очень эмоциональна, ее лучше характеризовать как целенаправленное мотивационное состояние, а не как специфическую эмоцию в ее собственном значении. При этом необходимо учитывать, что любовь, как правило, трудно поддается контролю, она не связана с каким-либо определенным мимическим выражением лица и сосредоточена на конкретном вознаграждении. Ученые, уточняя это понятие, обозначили любовь как констелляцию когний, эмоций и действий, сопряженных с желанием вступить в тесные отношения или поддерживать их с определенным другим человеком. С данной трактовкой соглашается и Дж. Л. Санградор [2], который рассматривает любовь как аттитюд – позитивное отношение или влечение к другому человеку, которое включает в себя предрасположенность думать, чувствовать и вести себя некоторым образом по отношению к этому человеку.

Влюбленные партнеры могут испытать и проявлять любовь различными способами, которые можно определить как любовные стили. Они обуславливаются тем, каким образом индивиды определяют любовь или относятся к ней, каковы их любовные аттитюды, вызывающие те или иные переживания и побуждающие к конкретным действиям в отношении человека, которого они любят [3]. Разные типы

и стили любви оказывают неодинаковое влияние на различные уровни качества и продолжительности отношений между двумя людьми. Так, любовь, как чувство, которое выражается людьми, вовлеченными в романтические отношения, наряду с другими факторами (близостью, преданностью и привязанностью) считается одним из наиболее значимых условий, обеспечивающих удовлетворенность и продолжительность отношений. Все это связано с субъективным благополучием, особенно с точки зрения переживания счастья, ощущения удовлетворенности жизнью и более позитивного восприятия прошлого опыта в противоположность негативным чувствам. Наряду с этим любовные отношения также могут быть источником стресса, дискомфорта, агрессии, самоубийств, убийств, конфликтов, болезненных негативных чувств, особенно когда они связаны с зависимостью и навязчивым поведением, что может неблагоприятно повлиять на качество и продолжительность отношений [4; 5].

Рассмотрев различные установки людей, касающиеся романтической любви, Дж. А. Ли [6] определил и обозначил шесть любовных стилей: три первичных и три вторичных. Такая классификация любовных аттитюдов является одной из самых часто используемых в настоящее время. Кроме того, она является наиболее структурированной. В ней содержится полная характеристика романтических отношений (табл. 1). Первичные стили включают следующие аттитюды: *эрос* – страстная, романтическая любовь; *людус* – игровая любовь; *сторге* – дружеская любовь. Вторичные стили представляют собой комбинации двух первичных стилей, в результате которых образовались такие установки, как *мания* – обсессивная или одержимая любовь (комбинация *эроса* и *людуса*); *прагма* – практическая, рациональная любовь (сочетание *сторге* и *людуса*); *агапе* – альтруистическая, бескорыстная любовь (соединение *эроса* и *сторге*). На основании данной классификации К. Хендрик и С. Хендрик [7] разработали опросник, с помощью которого были оценены шесть любовных типов аттитюдов (с учетом указанных выше стилей).

Характеристики любовных стилей

Love styles characteristics

Любовные стили	Любовные аттитюды	Основные характеристики
Первичный	<i>Эрос</i>	Романтическая любовь. Ядро составляет непреодолимая страсть, интенсивные переживания, физическая и эмоциональная аттракция к партнеру, близость и сексуальная активность
	<i>Людус</i>	Любовь как игра. Отличается случайными взаимосвязями, которые предполагают небольшое эмоциональное участие, отсутствие будущих ожиданий, избегание близости и интенсивности в отношениях
	<i>Сторге</i>	Дружеская любовь. Упор делается не на краткосрочную страсть, а на медленные и разумные отношения, базирующиеся на схожих интересах и ценностях, долгосрочной преданности партнеру, близости, дружбе, товарищеских отношениях и привязанности
Вторичный	<i>Прагма</i>	Прагматичная и рациональная любовь. При поиске и выборе возлюбленного индивид ориентируется на такие его характеристики или признаки, которые важны для самого индивида, и с его точки зрения они являются идеальными для совместного времяпрепровождения и жизни
	<i>Мания</i>	Одержимая любовь. Характеризуется сильными собственническими и ревнивыми чувствами, высокой интенсивностью и теснотой близости, чередованием восторженных и мучительных переживаний по поводу отношений с партнером
	<i>Агапе</i>	Альтруистическая любовь. Отличительными особенностями является безоговорочность, самоотверженность, склонность к добровольному жертвованию чем-либо ради блага другого, того, кому оказывается поддержка, забота и уважение. Часто благополучие любимого человека ставится выше собственного

Анализ литературы и результатов проведенных исследований показывает, что, помимо демографических (гендер, возраст), личностных и социально-психологических детерминант [1; 8–10], в последнее время все чаще внимание уделяется определению кросс-культурных различий в любовных аттитюдах [11–14].

В большинстве исследований в качестве сравнительного критерия выступают дихотомические категории индивидуализма и коллективизма. К индивидуалистическим ценностям относятся культуры стран, жители которых ценят свою независимость и уникальность, стремятся к достижению личных целей (США, Канада, Австралия и страны Северной и Западной Европы). Г. Х. Триандис и его коллеги [15] сделали вывод о том, что индивидуализм сопряжен с личностными инициативой, автономией, свободой, а также уверенностью в своих силах. Коллективистические ценности характерны для культур стран с сильно расширенными семейными отношениями, которые поощряют социальные связи, взаимозависимость (страны Латинской и Центральной Америки, Африки, Южной и Восточной Европы, азиатские страны). Для таких культур свойственно подавление индивидуальных желаний в угоду достижению внутригрупповых (семейных, клановых и др.) целей и интересов [16]. В традиционных коллективистических обществах во главу угла ставятся семейные целостность, единство и лояльность.

Идеологически романтическая любовь сосредоточивается на борьбе человека за самореализацию личности и претворение в жизнь собственных желаний и планов, даже если они противоречат точкам зрения членов семьи и родственников этого человека. Эта идеология присуща индивидуалистическим обществам, в которых романтическая любовь – это очень личный опыт, так же как и выбор партнера. Любящий человек, живущий в коллективистическом обществе, должен уважать мнение семьи и других родственников и соответствовать их ожиданиям. Именно поэтому некоторые кросс-культурные психологи считают, что экстенсивное переживание романтической любви является более распространенным в современных странах с индивидуалистической культурой и менее – в странах с традиционной коллективистической культурой. В частности, целым рядом исследований было установлено, что, например, американские и европейские студенты по сравнению с азиатскими, в основном китайского происхождения, имели более высокие показатели *эроса* и более низкие – *прагмы*, *сторге*, *мании* и *агапе* [7; 17–19].

В последние годы наблюдается тенденция к увеличению количества таких носителей коллективистической культуры, как китайские студенты, обучающиеся в белорусских учреждениях образования. Вместе с тем, по данным Всемирного исследования ценностей, белорусы по ценностным ориентациям близки к другим коллективистическим

сообществам. В частности, для белорусов, так же как и для китайцев, характерны выраженные коллективизм и прагматизм [20].

Однако несмотря на принадлежность к одному и тому же типу культуры, Беларусь и Китай, кроме значительной территориальной удаленности, имеют свои культурно-специфические и традиционные особенности, различаются социальными системами, религиями, моральными устоями и др. Не оспаривая принадлежность этих стран к коллективистической культуре, их следовало, хотя бы гипотетически, все же отнести к западным и восточным коллективистическим субкультурам. Так, например, по данным названного исследования, белорусы имеют более высокие показатели индивидуализма, чем китайцы. Тем не менее, по показателям прагматизма, белорусы являются менее практичными, чем китайцы [20].

Также следует учитывать, что кросс-культурные сходства и различия – это продукт глобализации.

В литературе, например, отмечается, что жители стран восточноазиатского региона все чаще испытывают давление индивидуалистических культурных ценностей из-за все большей ориентированности на западные культуры, а благодаря глобализации и средствам массовой информации западные индивидуалистические взгляды на романтическую любовь и способы поиска романтического партнера начали проникать в коллективистические культуры [21; 22].

Исходя из этого, нами было сделано предположение о том, что иерархии любовных установок белорусов и китайцев будут иметь некоторые базисные сходства в доминирующих любовных установках. Однако культурно-специфические факторы и этнокультурные традиции также могут приводить к различиям в переживаниях ими любви, в том числе женщинами и мужчинами, принадлежащими к разным коллективистическим субкультурам.

Материалы и методы исследования

Результаты были получены с помощью методики «Шкала любовных установок» (*Love Attitudes Scale*), разработанной К. Хендрик и С. Хендрик [7], которая состоит из 42 утверждений, сгруппированных в 6 шкал (*эрос*, *людус*, *сторге*, *прагма*, *мания* и *агапе*) и оценивающих 6 основных стилей любви на основе многомерной теории любви Дж. А. Ли [6]. Для дифференциации ответов использовалась 5-балльная шкала Ликерта.

В исследовании приняли участие 1344 человека в возрасте от 17 до 30 лет ($M = 21,04 \pm 2,89$), в том числе представители белорусской (544 мужчин, 560 женщин) и китайской нации (120 мужчин и такое же количество женщин).

Расчет средних значений и стандартных отклонений, иерархический кластерный анализ проводился методом средних связей с вычислением евклидовых расстояний.

Результаты и их обсуждение

В результате проведенного исследования была получена научная информация о иерархическом строении любовных установок белорусов и китайцев.

Иерархия мужских установок. Анализ результатов исследования (рис. 1) показал, что в иерархии любовных установок белорусских мужчин доминирующее положение занимают α -установки *эрос* ($M = 3,46$, $SD = 0,64$), *агапе* ($M = 3,41$, $SD = 0,89$), *мания* ($M = 3,22$, $SD = 0,81$), а субординационное положение – *сторге* ($M = 3,05$, $SD = 0,72$), *прагма* ($M = 2,78$, $SD = 0,70$) и *людус* ($M = 2,71$, $SD = 0,70$).

В иерархии любовных установок китайских мужчин доминирующее положение занимают α -установки *агапе* ($M = 3,72$, $SD = 0,66$), *прагма* ($M = 3,61$, $SD = 0,60$), *эрос* ($M = 3,51$, $SD = 0,70$), а субординационное – *мания* ($M = 3,44$, $SD = 0,64$), *сторге* ($M = 3,40$, $SD = 0,65$) и *людус* ($M = 3,07$, $SD = 0,63$).

Иерархия женских установок. В результате проведенного анализа данных исследования (рис. 2) было выявлено, что в иерархии любовных установок белорусских женщин доминирующее положение занимают α -установки *эрос* ($M = 3,50$, $SD = 0,63$), *агапе* ($M = 3,34$, $SD = 0,78$), *мания* ($M = 3,31$, $SD = 0,75$), а субординационное – *сторге* ($M = 3,05$, $SD = 0,70$), *прагма* ($M = 2,85$, $SD = 0,67$) и *людус* ($M = 2,67$, $SD = 0,65$).

В иерархии любовных установок китайских женщин доминирующее положение занимают α -установки *агапе* ($M = 3,48$, $SD = 0,56$), *прагма* ($M = 3,46$, $SD = 0,66$), *мания* ($M = 3,33$, $SD = 0,62$), а субординационное положение – *сторге* ($M = 3,32$, $SD = 0,65$), *эрос* ($M = 3,16$, $SD = 0,75$) и *людус* ($M = 2,85$, $SD = 0,80$).

В иерархическом подчинении любовных установок белорусских мужчин и женщин, а также китайских мужчин доминирующее положение занимают установки *эрос* и *агапе*. Отличие состоит только в том, что у белорусов обоих полов к α -установкам относится *мания*, а у китайских мужчин – *прагма*. У китайских женщин субординационное положение занимает *эрос*. Полученные данные частично согласуются с рядом других исследований [13; 14; 23–25].

Несмотря на относительную схожесть в любовных установках у представителей разных стран, различия были установлены в структурах взаимосвязей установок. Большую ясность в комбинирование любовных установок представителей Беларуси и Китая вносят результаты иерархического кластерного анализа, который позволил упорядочить переменные в сравнительно однородные классы на основе попарного их сравнения по измеренным признакам [26].

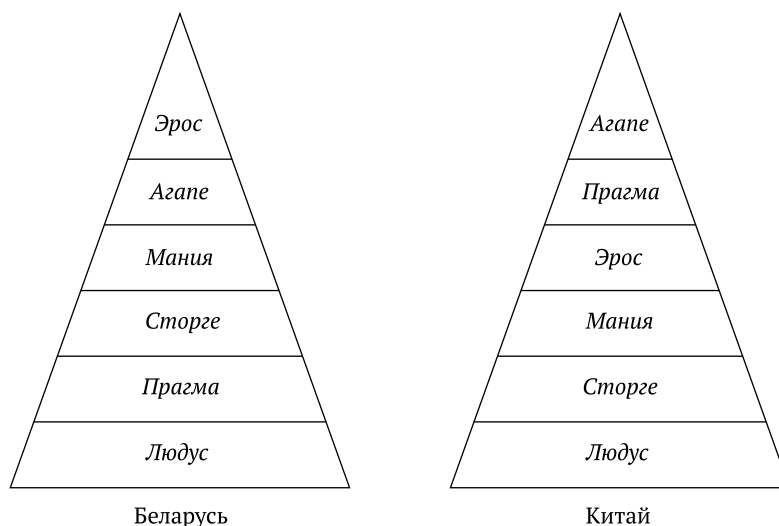

Рис. 1. Иерархии любовных аттитюдов мужчин Беларуси и Китая
Fig. 1. Hierarchis of Belarusian and Chinese men's love attitudes

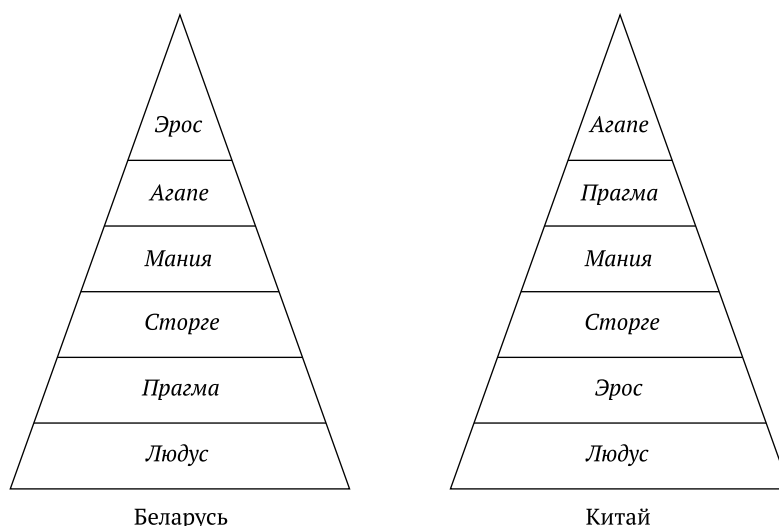

Рис. 2. Иерархии любовных аттитюдов женщин Беларуси и Китая
Fig. 2. Hierarchis of Belarusian and Chinese women's love attitudes

Структуры мужских аттитюдов. Дендрограмма любовных стилей белорусских мужчин показывает, что переменные группируются в два кластера (рис. 3).

Вначале в один кластер объединяются *эрос* и *агапе*, поскольку расстояние между ними является минимальным (449,0), а затем – *людус* и *прагма* (462,5). К ним примыкают *сторге* и *мания* (506,3), образуя единый второй кластер (605,4). На последнем шаге происходит группирование всех объектов, и расстояние между двумя предпоследними кластерами составляет 763,8.

На основании анализа полученной дендограммы можно выделить три базовые группы близких по своим свойствам объектов: *эрос* и *агапе*; *людус* и *прагма*; *сторге* и *манию*.

Из дендрограммы любовных стилей китайских мужчин видно, что переменные группируются в три кластера (рис. 4).

Вначале в один кластер объединяются *эрос* и *агапе*, поскольку расстояние между ними самое короткое (47,2). В дальнейшем к этим аттитюдам примыкает *мания* (57,5). Затем к ним присоединяются *сторге* и *прагма* (51,0), которые образуют единый второй кластер (62,9). *Людус* выступает в качестве третьего самостоятельного кластера. На последнем шаге он присоединяется к другим объектам (89,4).

Исследование данной дендограммы позволяет различить три базовых группы близких по своим свойствам объектов: *эрос*, *агапе* и *манию*; *сторге* и *прагму*; *людус*.

Рис. 3. Дендрограмма любовных аттитюдов белорусских мужчин

Fig. 3. Dendrogram of Belarusian men's love attitudes

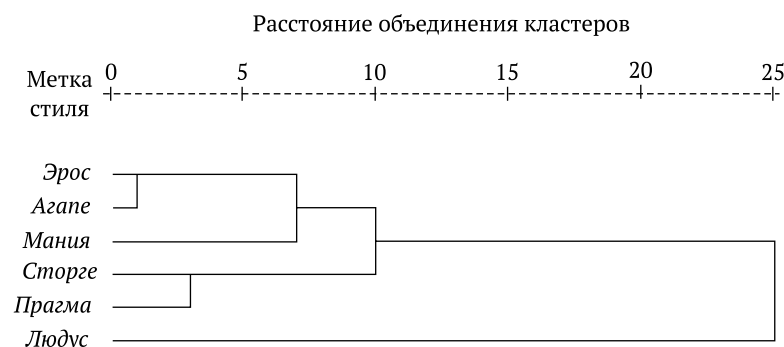

Рис. 4. Дендрограмма любовных аттитюдов китайских мужчин

Fig. 4. Dendrogram of Chinese men's love attitudes

Структуры женских аттитюдов. Дендрограмма любовных стилей белорусских женщин показывает, что переменные группируются в два кластера (рис. 5).

Вначале один кластер образуют *эрос* и *агапе* (расстояние – 399,3), к которым в дальнейшем соединяется *мания* (497,2). Затем во второй кластер объединяются *сторге* и *прагма* (441,6). Позже к ним примыкает *людус* (512,1). На последнем шаге агломерации происходит объединение всех объектов, и расстояние между двумя предпоследними кластерами равняется 715,8.

На основании анализа полученной дендрограммы можно выделить две базовые группы близких

по своим свойствам объектов: *эрос*, *манию* и *агапе*; *сторге*, *прагму* и *людус*.

Дендрограмма любовных стилей китайских женщин показывает, что переменные группируются в два кластера (рис. 6).

Первыми в один кластер объединяются *мания* и *агапе* (расстояние – 56,2), к которым в дальнейшем последовательно присоединяются *сторге* (59,7), *прагма* (64,4) и *эрос* (75,1). На последнем шаге происходит объединение всех перечисленных объектов с *людус* (по сути, со вторым самостоятельным кластером), и расстояние между этими двумя кластерами составляет 104,8.

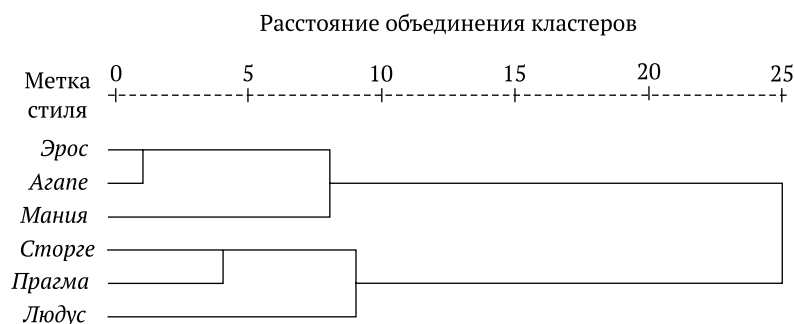

Рис. 5. Дендрограмма любовных аттитюдов белорусских женщин

Fig. 5. Dendrogram of Belarusian women's love attitudes

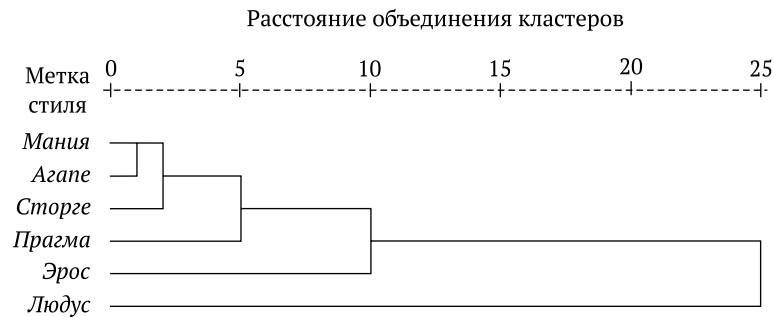

Рис. 6. Дендрограмма любовных аттитюдов китайских женщин
Fig. 6. Dendrogram of Chinese women's love attitudes

На основании анализа полученной дендрограммы можно выделить две базовые группы, куда включены близкие по своим свойствам объекты: *манию*, *агапе*, *сторге*, *прагму* и *эрос*; *людус*.

Приоритетная комбинация *эроса* и *агапе* у белорусских и китайских мужчин, а также у белорусских женщин свидетельствует о том, что стратегия такого рода кластера любовников характеризуется преимущественно интенсивными эмоциями, бескорыстием и отзывчивостью, сильным стремлением к возлюбленному и беспокойством по поводу ее/его благополучия, ориентацией на физические кондиции и привлекательность. Следует также отметить, что у китайских мужчин и белорусских женщин к указанной стратегии добавляется любовный стиль *мании*. В частности, Э. Хэтфилд и Р. Л. Рэпсон [29] отмечали, что страстная любовь, как состояние интенсивной тоски по союзу с другим, может включать обсессивный элемент, для которого свойственны навязчивые размышления, чувство неопределенности и колебания настроения. Респондентов, относящихся к этому кластеру, можно классифицировать как *эмоциональных любовников*.

Полученные данные согласуются с результатами многих исследований, обнаруженных у представителей как индивидуалистических [7; 27; 28], так и коллективистических культур [25; 28]. Частично они подтверждают мнение Ф. Нето и его коллег о том, что факторы *эрос*, *агапе* и *мания*, предполагающие сильные личные отношения, в значительной степени свободны от культурных эффектов, а если в них и наблюдаются кросс-культурные различия, то они незначительны [11].

Еще одной общей любовной стратегией, объединяющей китайских мужчин и белорусских женщин, является комбинация *сторге* и *прагмы*. Для данной стратегии в основном свойственен намеренный поиск подходящего любовного партнера и информации о наиболее значимых его качествах, для чего, и это вполне логично, наиболее приемлемым является поддержание с партнером дружеских, товарищеских отношений, чем страстных, требующих

глубокой вовлеченности. Эта стратегия отличается неромантической ориентацией любовных отношений и предполагает медленное и размеренное их развитие. Вероятно, конечной целью таких взаимоотношений является создание семьи, нахождение надежного спутника жизни и родителя для будущих детей. В частности, поиск потенциального брачного партнера требует более внимательного его изучения (*сторге*) и оценки перечня его достоинств (*прагма*) [30], что в дальнейшем может повысить репродуктивный успех совместных отношений за счет генетической и экономической «пригодности» потенциального партнера [31]. Например, *сторге* отрицательно связано с физической привлекательностью, а *прагма* положительно коррелирует с ценностью денег и успехом как важными аспектами в выборе спутника жизни [31].

Результаты многих исследований показали, что прагматическая любовь и дружеская любовь положительно коррелируют друг с другом и суммируются в фактор практической дружбы [7; 27; 32], т. е. менее эмоциональную и более когнитивную ориентацию отношений [33; 34]. Исходя из вышеизложенного, респондентов, у которых комбинируются *сторге* и *прагма*, можно назвать *рациональными любовниками*.

Также особый интерес вызывает достаточно многогранная стратегия, характерная для китайских женщин, в которой первоначально комбинируются *мания* и *агапе*, а затем к ним присоединяются *сторге* и *прагма*. Выявленная стратегия характеризуется, с одной стороны, одержимостью и зависимостью, собственническим и ревнивым отношением к возлюбленному, а с другой – беззаветностью, терпеливостью, центрированностью на партнере, высокой готовностью к самопожертвованию ради его благополучия. Вместе с тем в данной стратегии прослеживаются рационально-прагматические тенденции.

В. Ван, Ч.-Л. Люкб и Дж. Лайк указали, что многие паттерны культурных различий, существующих между китайцами и индивидами других культур,

могут отражать влияние конфуцианской этической системы и коллективистических убеждений [35]. Помимо этого, отмечается еще одно измерение особенностей китайских личных отношений – это понятие «юань» [18].

В частности, согласно конфуцианской этической системе тремя основными принципами регулирования социального поведения человека являются доброжелательность и всепрощение; праведность; пристойность [36]. Эти принципы проявляются в следующих характеристиках китайских межличностных отношений: особенностях личности как «продукта» зависимости и включенности в сеть членов группы; ролевым поведением как важной детерминанте отношений; акценте на гармонии отношений [37].

Юань, который по существу относится к реляционному фатализму, также играет важную роль в поддержании социальной гармонии и групповой солидарности, что является важной чертой китайского общества. В концепции «юань» партнеры рассматриваются как пассивные получатели отношений, а не как их активные создатели. Исходя из идей юаня, отношения между партнерами должны быть терпимыми, ценными и сохранными. Примат идеи приверженности партнеру «несмотря ни на что» подтверждается данными исследований стилей любви [18]. Когда возникают трудности в отношениях, их можно объяснить скорее чувством предопределенности, чем недостатками индивида. Кроме того, такие предопределенные отношения отражают прагматические соображения, где честь семьи и стабильность занимают центральное место.

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что китайские женщины в сравнении с мужчинами являются более консервативными и ригид-

ными в плане следования канонам, предписанных культурной и религиозной традициями. Поэтому респондентов, имеющих вышеобозначенные аттитюды, можно определить как *преданных любовников*.

Белорусских мужчин отличают две любовные стратегии, представленные комбинациями *людуса* и *прагмы*, а также *сторге* и *мании*. Первая стратегия характеризуется намеренным поиском подходящего любовного партнера и информации о наиболее значимых его качествах, что определяет предпочтение случайных межличностных контактов, избегание как близости, так и интенсивности и длительности отношений. Респондентов с аттитюдами *людуса* и *прагмы* можно назвать *ищущими любовниками*. Вторая стратегия очерчивается стремлением сочетать любовь и дружбу, что происходит, вероятно, из-за неуверенности в отношениях. В результате возникают опасения, что чувства не будут взаимными. Эти мужчины должны быть абсолютно уверены в том, что партнер любит их. Также они боятся его потерять. Поэтому ревность – практически стабильное переживание, которое характерно для любовных отношений такого рода. Респондентов, относящихся к этому кластеру, можно классифицировать как *тревожных любовников*.

Следует также обратить внимание на то, что у китайских мужчин и женщин отдельно выделяется любовный стиль *людус*. Он не интегрируется в общую систему любовных аттитюдов. Эти данные могут свидетельствовать о том, что в среде китайской молодежи существует когорта игривых любовников в чистом виде, которая отличается индивидуалистическими тенденциями в любовных отношениях [38], стремлением к достижению собственных целей, независимостью и меньшим беспокойством о других [33].

Заключение

В результате проведенного эмпирического исследования были установлены гендерные различия в иерархиях любовных аттитюдов белорусов и китайцев, выявлены и описаны пять любовных стратегий мужчин и женщин, принадлежащих

к различным коллективистическим субкультурам. Полученные данные могут быть использованы при разработке программ кросс-культурной адаптации и межнациональной совместимости белорусов и китайцев.

Библиографические ссылки

1. Aron A, Aron EN. Love and sexuality. In: McKinney K, Sprecher S, editors. *Sexuality in close relationships*. Hillsdale: Erlbaum; 1991. p. 25–48.
2. Sangrador JL. Consideraciones psicosociales sobre el amor romántico. *Psicothema*. 1993;5:181–196.
3. Фурманов ИА. Любовные аттитюды в период перехода к ранней взрослости: межпоколенное сравнение. *Право. Экономика. Психология. Научно-практический журнал*. 2019;4(16):97–105.
4. Ellis B, Malamuth NM. Love and anger in romantic relationships: a discrete systems model. *Journal of Personality*. 2000;68:3525–3556. DOI: 10.1111/1467-6494.00105.
5. Фурманов ИА. Любовные аттитюды в романтических и супружеских отношениях. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;3:74–81.
6. Lee JA. *The colors of love: An exploration of the ways of loving*. Don Mills: New Press; 1973. 294 p.

7. Hendrick C, Hendrick S. A theory and method of love. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;50:392–402.
8. Butler R, Walker WR, Skowronski JJ, Shannon L. Age and responses to the love attitudes scale: consistency in structure, differences in scores. *International Journal of Aging and Human Development*. 1995;40:281–296. DOI: 10.2190/YAA7-3C7G-TVXT-VATB.
9. Raffagnino R, Puddu L. Love styles in couple relationships: a literature review. *Open Journal of Social Sciences*. 2018;6:307–330. DOI: 10.4236/jss.2018.612027.
10. Hendrick C, Hendrick SS. Styles of romantic love. In: Sternberg RJ, Sternberg K, editors. *The new psychology of love*. Cambridge: Cambridge University Press; 2019. p. 223–239.
11. Neto F, Mullet E, Deschamps J-C, Barros J, Benvindo R, Camino L, et al. Cross-cultural variations in attitudes toward love. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2000;31:626–635. DOI: 10.1177/0022022100031005005.
12. Jankowiak WR, Fischer F. A cross-cultural perspective on romantic love. *Ethnology*. 1992;31(2):149–155. DOI: 10.2307/3773618.
13. Neto F. Love styles: A cross-cultural study of British, Indian, and Portuguese college students. *Journal of Comparative Family Studies*. 2007;38(2):239–254. DOI: 10.3138/jcfs.38.2.239.
14. Sprecher S, Aron A, Hatfield E, Cortese A, Potapova E, Levitskaya A. Love: American style, Russian style, and Japanese style. *Personal Relationships*. 1994;1:349–369. DOI: 10.1111/j.1475-6811.1994.tb00070.x.
15. Triandis HC, Bontempo R, Villareal MJ, Asai M, Lucca N. Individualism and collectivism: Cross-cultural perspective on self in group relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988;79:323–338.
16. Triandis HC. Individualism-collectivism and personality. *Journal of Personality*. 2001;69(6):907–924. DOI: 10.1111/1467-6494.696169.
17. Dion KL, Dion KK. Gender and ethnocultural comparisons in styles of love. *Psychology of Women Quarterly*. 1993;17(4):463–473. DOI: 10.1111/j.1471-6402.1993.tb00656.x.
18. Goodwin R, Findlay C. «We were just fated together»... Chinese love and the concept of yuan in England and Hong Kong. *Personal Relationships*. 1997;4(1):85–92. DOI: 10.1111/j.1475-6811.1997.tb00132.x.
19. Sprecher S, Toro-Morn M. A study of men and women from different sides of earth to determine if men are from Mars and women are from Venus in their beliefs about love and romantic relationships. *Sex Roles*. 2002;46:131–147. DOI: 10.1023/A:1019780801500.
20. Country Comparison [Internet]. 2020 [cited 2021 May 12]. Available from: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/belarus/>.
21. Park YS, Kim U. Family, parent-child relationship, and academic achievement in Korea: Indigenous, cultural and psychological analysis. In: Kim U, Yang K-S, Hwang K-K, editors. *Indigenous and cultural psychology: understanding people in context*. New York: Springer Science + Business Media; 2006. p. 421–443. DOI: 10.1007/0-387-28662-4_19.
22. Kim J, Hatfield E. Love types and subjective well-being: a cross-cultural study. *Social Behavior and Personality*. 2004;32(2):173–182. DOI: 10.2224/sbp.2004.32.2.173.
23. Hans JD. Do love styles predict lifetime number of sex partners? *American Journal of Sexuality Education*. 2008;3(2):149–164. DOI: 10.1080/15546120802104328.
24. Yang Y, Liu A. Reliability and validity of the chinese love attitude scale. *Asian Social Science*. 2007;3(8):41–44.
25. Zeng X, Pan Y, Zhou H, Yu S, Liu X. Exploring different patterns of love attitudes among Chinese college students. *PLoS ONE*. 2016;11(11):e0166410. DOI: 10.1371/journal.pone.0166410.
26. Наследов АД. SPSS: компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. Санкт-Петербург: Питер; 2005. 416 с.
27. Davis KE, Latty-Mann H. Love styles and relationship quality: a contribution to validation. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1987;4:409–428. DOI: 10.1177/0265407587044002.
28. Sanri C, Goodwin R. Values and love styles in Turkey and Great Britain: an intercultural and intracultural comparison. *International Journal of Psychology*. 2013;48(5):837–845. DOI: 10.1080/00207594.2012.712697.
29. Hatfield E, Rapson RL. Historical and cross-cultural perspectives on passionate love and sexual desire. *Annual Review of Sex Research*. 1993;4:67–98.
30. Hendrick C, Hendrick SS. Dimensions of love: a sociobiological perspective. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1991;10:206–230. DOI: 10.1521/jscp.1991.10.2.206.
31. Levine TR, Strzyzewski AK, Park HS. Love styles and communication in relationships: partner preferences, initiation, and intensification. *Communication Quarterly*. 2006;54(4):465–486. DOI: 10.1080/01463370601036515.
32. Bierhoff HW, Grau I, Ludwig A. *Marburger Einstellungs-Inventar für Liebesstile*. Göttingen: Hogrefe; 1993. 53 S.
33. Rohmann E, Führer A, Bierhoff HW. Relationship satisfaction across European cultures: the role of love styles. *Cross-Cultural Research*. 2016;50(2):178–211. DOI: 10.1177/1069397116630950.
34. Jankowiak W, Shen Y, Yao S, Wang C, Volsche S. Investigating Love's universal attributes: a research report from China. *Cross-Cultural Research*. 2015;49(4):422–436. DOI: 10.1177/1069397115594355/.
35. Wan WN, Luk CL, Lai JCL. Personality correlates of loving styles among Chinese students in Hong Kong. *Personality and Individual Differences*. 2000;29:169–175. DOI: 10.1016/S0191-8869(99)00185-3.
36. Gabrenya W, Hwang K. Chinese social interaction: harmony and hierarchy on the good earth. In: Bond MH, editor. *Handbook of Chinese psychology*. Hong Kong: Oxford University Press; 1996. p. 309–321.
37. Gao G, Ting-Toomey S, Gudykunst W. Chinese communication processes. In: Bond MH, editor. *Handbook of Chinese psychology*. Hong Kong: Oxford University Press; 1996. p. 280–293.
38. Smith R, Klases A. Predictors of Love Attitudes: the contribution of cultural orientation, gender attachment style, relationship length and age in participants from the UK and Hong Kong. *Interpersona. An International Journal on Personal Relationships*. 2016;10:90–108. DOI: 10.5964/ijpr.v10i1.204.

References

1. Aron A, Aron EN. Love and sexuality. In: McKinney K, Sprecher S, editors. *Sexuality in close relationships*. Hillsdale: Erlbaum; 1991. p. 25–48.
2. Sangrador JL. Consideraciones psicosociales sobre el amor romántico. *Psicothema*. 1993;5:181–196.
3. Fourmanov IA. Love attitudes during the transition to early adulthood: intergenerational comparison. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya. Nauchno-prakticheskiy zhurnal*. 2019;4(16):97–105. Russian.
4. Ellis B, Malamuth NM. Love and anger in romantic relationships: a discrete systems model. *Journal of Personality*. 2000;68:3525–3556. DOI: 10.1111/1467-6494.00105.
5. Fourmanov IA. Love attitudes in romantic and marital re-lationships. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:74–81. Russian.
6. Lee JA. *The colors of love: An exploration of the ways of loving*. Don Mills: New Press; 1973. 294 p.
7. Hendrick C, Hendrick S. A theory and method of love. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;50:392–402.
8. Butler R, Walker WR, Skowronski JJ, Shannon L. Age and responses to the love attitudes scale: consistency in structure, differences in scores. *International Journal of Aging and Human Development*. 1995;40:281–296. DOI: 10.2190/YAA7-3C7G-TVXT-VATB.
9. Raffagnino R, Puddu L. Love styles in couple relationships: a literature review. *Open Journal of Social Sciences*. 2018;6:307–330. DOI: 10.4236/jss.2018.612027.
10. Hendrick C, Hendrick SS. Styles of romantic love. In: Sternberg RJ, Sternberg K, editors. *The new psychology of love*. Cambridge: Cambridge University Press; 2019. p. 223–239.
11. Neto F, Mullet E, Deschamps J-C, Barros J, Benvindo R, Camino L, et al. Cross-cultural variations in attitudes toward love. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2000;31:626–635. DOI: 10.1177/0022022100031005005.
12. Jankowiak WR, Fischer F. A cross-cultural perspective on romantic love. *Ethnology*. 1992;31(2):149–155. DOI: 10.2307/3773618.
13. Neto F. Love styles: A cross-cultural study of British, Indian, and Portuguese college students. *Journal of Comparative Family Studies*. 2007;38(2):239–254. DOI: 10.3138/jcfs.38.2.239.
14. Sprecher S, Aron A, Hatfield E, Cortese A, Potapova E, Levitskaya A. Love: American style, Russian style, and Japanese style. *Personal Relationships*. 1994;1:349–369. DOI: 10.1111/j.1475-6811.1994.tb00070.x.
15. Triandis HC, Bontempo R, Villareal MJ, Asai M, Lucca N. Individualism and collectivism: Cross-cultural perspective on self in group relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988;79:323–338.
16. Triandis HC. Individualism-collectivism and personality. *Journal of Personality*. 2001;69(6):907–924. DOI: 10.1111/1467-6494.696169.
17. Dion KL, Dion KK. Gender and ethnocultural comparisons in styles of love. *Psychology of Women Quarterly*. 1993;17(4):463–473. DOI: 10.1111/j.1471-6402.1993.tb00656.x.
18. Goodwin R, Findlay C. «We were just fated together»... Chinese love and the concept of yuan in England and Hong Kong. *Personal Relationships*. 1997;4(1):85–92. DOI: 10.1111/j.1475-6811.1997.tb00132.x.
19. Sprecher S, Toro-Morn M. A study of men and women from different sides of earth to determine if men are from Mars and women are from Venus in their beliefs about love and romantic relationships. *Sex Roles*. 2002;46:131–147. DOI: 10.1023/A:1019780801500.
20. Country Comparison [Internet]. 2020 [cited 2021 May 12]. Available from: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/belarus/>.
21. Park YS, Kim U. Family, parent-child relationship, and academic achievement in Korea: Indigenous, cultural and psychological analysis. In: Kim U, Yang K-S, Hwang K-K, editors. *Indigenous and cultural psychology: understanding people in context*. New York: Springer Science + Business Media; 2006. p. 421–443. DOI: 10.1007/0-387-28662-4_19.
22. Kim J, Hatfield E. Love types and subjective well-being: a cross-cultural study. *Social Behavior and Personality*. 2004;32(2):173–182. DOI: 10.2224/sbp.2004.32.2.173.
23. Hans JD. Do love styles predict lifetime number of sex partners? *American Journal of Sexuality Education*. 2008;3(2):149–164. DOI: 10.1080/15546120802104328.
24. Yang Y, Liu A. Reliability and validity of the chinese love attitude scale. *Asian Social Science*. 2007;3(8):41–44.
25. Zeng X, Pan Y, Zhou H, Yu S, Liu X. Exploring different patterns of love attitudes among Chinese college students. *PLoS ONE*. 2016;11(11):e0166410. DOI: 10.1371/journal.pone.0166410.
26. Nasledov AD. *SPSS: komp'yuternyi analiz dannykh v psikhologii i sotsial'nykh naukakh* [SPSS: computer data analysis in psychology and social sciences]. Saint Petersburg: Peter; 2005. 416 p. Russian.
27. Davis KE, Latty-Mann H. Love styles and relationship quality: a contribution to validation. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1987;4:409–428. DOI: 10.1177/0265407587044002.
28. Sanri C, Goodwin R. Values and love styles in Turkey and Great Britain: an intercultural and intracultural comparison. *International Journal of Psychology*. 2013;48(5):837–845. DOI: 10.1080/00207594.2012.712697.
29. Hatfield E, Rapson RL. Historical and cross-cultural perspectives on passionate love and sexual desire. *Annual Review of Sex Research*. 1993;4:67–98.
30. Hendrick C, Hendrick SS. Dimensions of love: a sociobiological perspective. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1991;10:206–230. DOI: 10.1521/jscp.1991.10.2.206.
31. Levine TR, Strzyzewski AK, Park HS. Love styles and communication in relationships: partner preferences, initiation, and intensification. *Communication Quarterly*. 2006;54(4):465–486. DOI: 10.1080/01463370601036515.
32. Bierhoff HW, Grau I, Ludwig A. *Marburger Einstellungs-Inventar für Liebesstile*. Göttingen: Hogrefe; 1993. 53 S.
33. Rohmann E, Führer A, Bierhoff HW. Relationship satisfaction across European cultures: the role of love styles. *Cross-Cultural Research*. 2016;50(2):178–211. DOI: 10.1177/1069397116630950.

34. Jankowiak W, Shen Y, Yao S, Wang C, Volsche S. Investigating Love's universal attributes: a research report from China. *Cross-Cultural Research*. 2015;49(4):422–436. DOI: 10.1177/1069397115594355/.
35. Wan WN, Luk CL, Lai JCL. Personality correlates of loving styles among Chinese students in Hong Kong. *Personality and Individual Differences*. 2000;29:169–175. DOI:10.1016/S0191-8869(99)00185-3.
36. Gabrenya W, Hwang K. Chinese social interaction: harmony and hierarchy on the good earth. In: Bond MH, editor. *Handbook of Chinese psychology*. Hong Kong: Oxford University Press; 1996. p. 309–321.
37. Gao G, Ting-Toomey S, Gudykunst W. Chinese communication processes. In: Bond MH, editor. *Handbook of Chinese psychology*. Hong Kong: Oxford University Press; 1996. p. 280–293.
38. Smith R, Klases A. Predictors of Love Attitudes: The contribution of cultural orientation, gender attachment style, relationship length and age in participants from the UK and Hong Kong. *Interpersona. An International Journal on Personal Relationships*. 2016;10:90–108. DOI: 10.5964/ijpr.v10i1.204.

Статья поступила в редколлегию 14.05.2021.
Received by editorial board 14.05.2021.